

На углу стола была наклеена карточка с экзаменационным номером, составленным по порядку «цзя, и, бин, ди» и «один, два, три, четыре». Цуй Се развернул экзаменационные листы, нашел свое место по номеру «Цзя-четыре», выведенному красной тушью на титульном листе, сел, разложил четыре драгоценности письменного стола и, склонившись над столом, решил немного вздремнуть. Вскоре стали подходить остальные кандидаты. Служители уезда расхаживали между рядами, предлагая обучающимся горячую воду и паровые лепешки.

К тому моменту, когда один из служителей подошел к Цуй Се, тот уже прояснил мысли, вытащил свои запасы и принимался за еду. Служитель налил ему пиалу горячего чая, улыбнулся и пошел дальше. Цуй Се благодарно улыбнулся ему в ответ, съел с горячей водой пару паровых пирожков и несколько ломтиков сушеной свинины, а затем вытер руки, готовясь к экзамену.

Едва рассвело, стражники вошли и открыли окна экзаменационного навеса. Солнечный свет и утренний холод хлынули внутрь одновременно. Экзаменуемые задрожали от свежести, зато прохладный ветерок мигом развеял усталость, накопившуюся за ранний подъем. Начальник уезда Ци ступил под навес в лучах восходящего солнца. С величественным видом осмотрев собравшихся юношей, он достал из рукава свежесоставленные темы и повелел служителям:

— Раздайте темы, пусть переписут.

Несколько служителей, держа в руках деревянные дощечки с темами, прошли между рядами, давая ученикам возможность переписать задания.

В первый день уездного экзамена давалось всего два задания: одно сочинение по Четверокнижию и одно сочинение по Пятикнижию. Тема сочинения по Четверокнижию была только одна, и ею оказалась именно та фраза, которую он натренировался писать во всех возможных вариациях: «Все люди Поднебесной обретут покой». Что до сочинения по Пятикнижию, на доске висело пять тем — по одной на каждый канон, чтобы кандидаты отвечали по своей основной специальности. Тема по «Ши цзин» представляла собой строку «Лочжи цзюньцзы, родители народа» из оды «Нань шань ю тай».

Когда он сам составлял себе пробные задания, то разорвал фразу «Все люди Поднебесной обретут покой» на множество мелких отрывков, комбинируя начало и конец, стыкуя со смежными или отдаленными строками... Кто бы мог подумать, что начальник уезда Ци предложит простую, цельную строку! Это выглядело настоящим глотком свежего воздуха в мире детских экзаменов, переполненном хитрыми каверзными вырезками. Тема по «Ши цзин» тоже состояла из полной фразы, к тому же цитировавшейся в «Четверокнижии». Даже тот, кто слабо знал «Ши цзин», читая «Четверокнижие», наверняка запомнил толкование Чжу-цзы, так что от темы было не уклониться.

Присмотревшись, он заметил, что и темы по «И цзин», «Ли цзи» и «Шан шу» тоже были знакомыми выражениями из «Четверокнижия». Лишь в «Чуньцю» взяли отрывок из раздела о правителе Вэнь-гуне: «Гун отправился в Цзинь».

Сначала он переписал темы на черновик, а затем приступил к сочинению «Все люди Поднебесной обретут покой», которое знал наизусть во всех тонкостях.

В главе об уходе Мэн-цзы из царства Ци суть рассуждений мудреца сводилась к тому, что он добивался аудиенции у царя ради принесения покоя Ци и всей Поднебесной. Пусть правитель Ци и не отличался мудростью, Мэн-цзы всё же надеялся, что тот раскается и снова призовет его на службу. Именно поэтому он пробыл в Ци еще три дня, а затем выехал открыто при

дневном свете, оставляя правителю возможность одуматься и привлечь его к управлению государством ради блага народа.

В его памяти отпечатались слова, сказанные в тот день начальником уезда Ци: «Лишь занимая высокий пост при дворе и держа в руках власть, можно даровать покой и процветание народу Поднебесной». Поэтому, сочиняя статью, Цуй Се подсознательно выбрал угол зрения, подчеркивающий желание Мэн-цзы быть призванным на службу правителем Ци, а не ограничился поверхностным толкованием «покоя Поднебесной».

Чтобы подарить покой Поднебесной, главное — иметь добродетельного и просвещенного государя, а также согласие между правителем и его слугами. Великий мудрец, заботящийся о Поднебесной, должен прежде всего применить свои таланты на службе государю, и лишь тогда священное Учение принесет пользу народу. Если же обладающий талантами и добродетелью человек не может занять место при дворе, то даже с мудростью, уступающей лишь Великому Мудрецу, он не сможет облагодетельствовать простолюдинов.

Он ровным почерком вывел на черновике вводное предложение — зачин статьи: «Великий мудрец стремится принести покой Поднебесной, и его надежды, возлагаемые на государя, поистине велики!»

Разъяснив тему, он перешел к развитию мысли и основному изложению, строго держась трех ключевых слов «покой Поднебесной». От безопасности и благополучия народа он плавно подвел рассуждение к главе «Мэн-цзы оставляет Ци» и надеждам, которые Мэн-цзы возлагал на правителя.

«Правитель Ци от природы прост, привержен к храбрости, богатству, чувственным утехам и мирским развлечениям», у него не было задатков, чтобы принести покой Поднебесной. Однако Мэн-цзы ради блага народа всё же желал остаться в Ци, дабы обуздать страсти правителя и взрастить в нем милосердие и радость добродетели.

Если правитель Ци не призовет Мэн-цзы, он останется лишь посредственным государем. Если Мэн-цзы не получит назначения и останется забытым мудрецом в глуши, он не сможет помочь народу. Лишь применив мудрость на службе, достигнув согласия между государем и слугой и управляя Ци посредством Великого пути, можно добиться того, чтобы все таланты Поднебесной стремились в Ци, а все жившие там радовались своему уделу. Тогда благодать Ци распространится на всю Поднебесную, укротив жестокость и воинственность соседних царств, и наступит эра процветания, когда «не только люди Ци, но и все люди Поднебесной обретут покой».

И потому, когда Мэн-цзы не был призван на службу и медлил три дня, не уходя, разве делал он это ради собственной власти и могущества? Нет, он нес на плечах ответственность за Ци и народ Поднебесной, отчего ему пришлось усмирить свое великое душевное благородство в надежде, что суверен возложит на него обязанности.

Поскольку на экзамене концентрация достигла предела, а под давлением мозг работал особенно живо, его воображение породило еще две меткие параллельные фразы. Тогда он прибавил их к прежним парным строкам, объединив в более длинные и изящные параллельные конструкции. Перечитав всё несколько раз и убедившись, что слог стал еще более гладким, а переходы — естественными, он наконец переписал тему и сочинение на чистовик.

Сочинение по Четверокнижию занимало всего около трехсот иероглифов, к тому же тема была хорошо знакомой. Хотя он немного скорректировал текст и тщательно проверил его на

иероглифические ошибки, запретные знаки и пробелы, чистовое переписывание заняло у него чуть больше часа.

В это время многие кандидаты не успели набросать и нескольких строк черновика. Цуй Се огляделся по сторонам, спокойно сделал глоток чая и склонил голову над следующим заданием.

Второй темой была фраза «Лочжи цзюньцзы, родители народа».

В комментариях к канону говорилось: «Любит и приносит пользу народу, оттого и зовется родителями народа». Выражение «Лочжи цзюньцзы» повторялось в стихе «Нань шань ю тай» неоднократно, восхваляя благородного мужа, так что его можно было оставить без особого внимания. Ключ к теме кроется в четырех иероглифах «родители народа». Пока изложение следует тому, как именно благородный муж должен управлять государством, чтобы по праву называться «родителями народа», сочинение точно останется в рамках темы.

Но быть родителями народа... написать ли «любить и приносить пользу народу»? «Защищать то, что любишь»? Или же опереться на цитату из «Четверокнижия»: «Любить то, что любит народ, и ненавидеть то, что народ ненавидит»?

Статья должна была впитать в себя эти смыслы, но одновременно подняться на более высокий уровень и перекликаться со всем стихотворением «Нань шань ю тай». Благородный муж должен быть не просто родителем простолюдинов, но и опорой государства. Нельзя писать исключительно об умеренности, милосердии и заботе о народе — следует встать на позицию государственного мужа при дворе и взглянуть на подданных с высоты.

Поразмыслив, Цуй Се взялся за кисть и написал: «Тот, кто является родителями народа, отличается лишь тем, что не смотрит на народ как на нечто чуждое». В начальном разделе он написал о том, как принимать сердце народа за свое собственное, подобно тому как родители воспитывают детей без оглядки на выгоду, любя то, что любит народ, и доставляя ему пользу. В следующем разделе он вновь подчеркнул необходимость защищать и опекать подданных, давая им покой и радость от труда, а затем вывел мысль дальше: дабы народ жил в мире, благородный муж обязан «украшать правление при дворе и облагораживать нравы на своем посту», становясь опорой государства.

Отсюда фраза-тема связывалась со всем стихотворением: он сопоставил благотворное влияние мужа, воспитывающего народ, с любовью и почтением подданных, а под конец вновь вернулся к идее единения сердца государя с народом и отношения к подданным как к родным детям, замкнув круг и строго выдержав тему.

Хотя это сочинение писалось прямо на месте, подобный официозный стиль был его сильной стороной. К тому же слова, которыми начальник уезда Ци наставил его накануне, он обдумывал уже сотни раз. Все идеи были в голове, оставалось лишь выстроить композицию и отточить фразы, что не заняло много времени.

Когда в полдень служители разносили воду и еду, черновик был готов и проверен несколько раз. Немного отдохнув в обед, он перепроверил текст и закончил чистовик аккуратно в начале часа Овцы. Возле Врат Дракона уже стояло несколько юных кандидатов, сдавших работы раньше и ждавших, пока соберется достаточное число людей для выхода.

Убедившись, что ошибок нет, Цуй Се собрал листы, подошел к главному помосту и лично сдал работу уездному начальнику. Начальник уезда Ци, не поднимая головы, сначала пробежал глазами свиток, и выражение его лица постепенно смягчилось. Он взял кисть, нарисовал на

обложке круг и, приподняв веки, одарил его одобрительным взглядом.

Начальник уезда Ци знал, что тот не умеет писать стихи, поэтому не стал устраивать ему поэтическое испытание на парные строки, как другим юным кандидатам. Помахав рукой, он произнес:

— Иди. И обязательно явись на следующие два тура, не думай, что раз я отметил твою работу кругом, то можно бросить экзамен!

Висевшее на волоске сердце Цуй Се наконец успокоилось. Он тихо вздохнул, выслушал еще пару наставлений уездного начальника и пошел встать в очередь у Врат Дракона.

На следующий день у уездного ямыня вывесили списки сдавших. Пятьдесят отобранных кандидатов были вписаны в два concentрических круга: во внешнем — тридцать человек, во внутреннем — двадцать, а не попавшие в круги были вынесены на отдельный лист. Чжао Инлинь пришел посмотреть список вместе с ним и, едва подняв глаза, увидел экзаменационный номер «Цзя-четыре», красовавшийся на самом верху большого круга. Он тут же дернул его за полы одежды и радостно воскликнул:

— Смотри! Твой номер вон там, на самом верху!

Цуй Се поднял взгляд: и вправду, первым в списке стоял именно его номер.

Он не знал, написал ли действительно так хорошо или же начальник уезда Ци намеренно оказал ему благосклонность. Не желая привлекать лишнего внимания, он взял Чжао Инлиня за рукав и сказал:

— Посмотрели — и ладно, пойдем домой. Впереди еще два тура.

<http://bllate.org/book/18372/1761321>